

„Тражи жизни“.

Сказка.
(О. Г. Е.).

«Твори, обновляй,
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай».
Верхарнъ.

I.

Безконечное море недвижно лежало, молчаливо безстрастное и ждущее. Не пѣнились гребни бушующихъ волнъ, не ревѣла могучая буря и не слышались зовы гибнущихъ. Море тихо лежало и смотрѣло въ голубое небо, а небо молча купалось въ безбрежныхъ струяхъ моря...

Начиналось утро жизни. Волны свѣта безшумно подкрались къ землѣ, разлились золотыми струйками по лицу моря и брызнули каскадомъ лучей на весь міръ. Зазвучала симфонія жизни.

Одинокое стоялъ среди моря утѣсъ, крутой, холодный и молчаливый. Онъ былъ мертвъ и безстрастенъ. По его склону, залитому солнцемъ, быстро карабкался юноша, а по другому, покрытому тѣнью, тихо плелась черная фигура монаха. Выше и выше поднималось солнце, ближе и ближе подходили къ вершинѣ фигуры и, наконецъ, встрѣтились.

Медленно приближались они другъ къ другу и жадно смотрѣли одинъ другому въ глаза. Румянцемъ силъ и желаній горѣло лицо юноши, тихо колыхались его прекрасныя кудри, а синіе, какъ небо, глаза спрашивали о тайнѣ жизни. Бѣлымъ пятномъ на черномъ капюшонѣ выдѣлялось лицо старца и его безстрастныхъ глазахъ мудрость Бога.

Они молчали, долго тѣни ихъ лежали на глади моря и, наконецъ, сказали:

— Ты чистыхъ очей, я вижу, просишь. Ты явился сюда узнать тайны жизни и я тебѣ покажу

ихъ. Сейчасъ великое время развернуть передъ тобой лики жизни и ты выберешь то, что тебѣ нужно... Смотри же!..

Медленно поднялъ руку старецъ и медленно провелъ рукой по воздуху.

Исчезло море... исчезъ утѣсъ... исчезло солнце и тихо стала развертываться первая грань жизни...

II.

Это былъ прекрасный садъ, окруженный дыханіемъ синяго неба. Невдвигно стояли зеленныя пальмы, глядѣли въ высь темныя кипарисы... и молчали стройныя сосны... Они мечтали и мечта ихъ причудливымъ кружевомъ ложилась на зеленъ луговъ. Лишь изрѣдка пролеталъ вѣтеръ, заигрывалъ ласково съ деревьями и исчезалъ въ пространствѣ міра.

Нѣжно вздрагивали чистыя ландыши, беззаботно болтали о чемъ то рѣчка, а въ воздухѣ звучала нѣжная музыка блѣдно-голубыхъ колокольчиковъ.

Въ глубинѣ сада бѣлѣли стройныя колонны. Нѣжно алая цвѣты шиповника легкими гирляндами обвивали ихъ и терялись внизу среди моря ландышей.

Взявши другъ друга за руки стояли среди колоннъ юноша и дѣвушка. Соктанные изъ лучей эфира и невинности, они застѣнчиво глядѣли другъ другу въ глаза и гармонично звучала музыка ихъ словъ. Тихо повторяли ей колокольчики, безшумно рѣяли легкія нимфы. И счастье чистой любви благословляло прекрасныя образы влюбленныхъ...

А грань жизни развертывалась дальше и дальше... Высокій готъ былъ залитъ разноцвѣтными огнями. Тысячами искръ переливались его огненно-красныя стѣны, высокой струей било пурпурное

вино, а кругомъ бушевалъ дикій ураганъ.

Гдѣ то шумно плескались волны, тревожный свистъ разносился въ темнотѣ ночи и грохоталъ громъ. На бѣлоснѣжномъ ложѣ въ водоворотѣ страсти билась пара существъ. Черныя волнистыя волосы вахтанки, украшенныя ярко-красными розами и гроздьями винограда, рассыпались по всему пышному тѣлу и прихотливо обвивали его... На ея смугломъ лицѣ осеннею ночью блестѣли черныя глаза, полныя знойной страсти и могучаго порыва... Гибкая, какъ змѣя, и упругая, какъ натянутый лукъ, она держала въ своихъ объятіяхъ мускулистое тѣло прекраснаго юноши. Могучими руками сжималъ онъ ее и, какъ два удава, сплелись ихъ тѣла въ нерасплетаящийся узелъ. Алой струей лилась страсть изъ дышавшихъ зноемъ губъ. Бѣшено плескали волны пурпурнаго вина... Ревѣла буря. Сонмъ сатировъ и нимфъ острымъ свистомъ прорѣзалъ дикій ураганъ страсти Діониса.

А грань жизни развертывалась дальше и дальше...

Появились стогны городовъ съ кучами отвратительныхъ отбросовъ... Невыразимый смрадъ наполнялъ всю окрестность. Нигдѣ не было зелени, дерева, цвѣтка.

На кучахъ навоза лежали прокаженные и больные. Безволосые, съ провалившимися носами, покрытые отвратительными струпьями, одни что то невнятно гнусавили и корчились въ невыносимыхъ мукахъ.

Грустный образъ, одѣтый въ траурный хитонъ, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ скорбно сияли прекрасныя очи, ходилъ отъ одного прокаженнаго къ другому, нѣжно перевязывая ихъ раны и цѣловалъ ихъ струпья... Прокраженные плевали въ его лицо, грозили остатками своихъ рукъ, а образъ тихо шепталъ:

«Не вѣдаютъ бо, что творять»

А грань жизни развертывалась дальше и дальше...

Въ глубинѣ подводной пещеры отвратительный осминогъ протягивалъ свои щупальцы къ маленькой рыбкѣ, не видѣвшей страшнаго чудовища. Какъ змѣи извивались они, холодные, слизкія, все ближе и ближе подкрадывались къ рыбкѣ и готовились схватить ее.

Но вдругъ блеснулъ мечъ, и... щупальцы осьминога поплыли, уносимые моремъ.

Послышался дикій ревъ боли. Дрогнула пещера и въ страшныхъ мукахъ закорчилось чудовище. А мечъ поднимался и снова отскальзывалъ щупальцы осьминога.

Яркой молніей гнѣва горѣли глаза Любви—мстителя, и огнемъ негодованія пылало ея лицо.

Неслышно воспользовались гигантскіе спруты, тихо ползли крабы, и приближались отвратительныя мечехвосты. Все ближе и ближе подползали они къ безстрашному мстителю... и, наконецъ, тысячами сжимовъ сжали и обвили вокругъ безстрашнаго мстителя.

«Я погибла, но въ этой гибели моя побѣда» воскликнула Любовь и съ улыбкой счастья умерла...

Картина исчезла.

Снова было море. Снова сіяло солнце и снова стояли старецъ и юноша на вершинѣ утеса.

«Ты видѣлъ одну грань жизни, сказалъ старецъ, грань, которую люди зовутъ любовью и красотой. Хочешь ли ты ее?»...

Юноша задумчиво смотрѣлъ куда то вдаль и молчалъ.

«Я хочу видѣть другія грани жизни», сказалъ онъ тихо.

Снова поднялъ свою руку мудрый старецъ, снова исчезло море и снова стала развертываться новая грань жизни...

Питириксъ Сорокинъ.

„Тражи жизни“

Сказка.
(О. Г. Е.).
(Окончание).

«Твори, обновляй,
Иль пади и умри!
Открой или руки о двери сломай».
Верхарнъ.

V.

Человѣкъ сидѣлъ за утреннимъ кофе и читалъ газету... Онъ былъ не слишкомъ толстъ и не слишкомъ тонокъ, средняго роста съ едва замѣтной плѣшью на головѣ. Общество его уважало, какъ честнаго общественнаго дѣятеля, поэты считали его „своимъ“, а ученые не разъ цитировали его „труды“.

Въ столовую вошла жена.

— „Знаешь что, обратился онъ къ ней, моя вчерашняя рѣчь произвела впечатлѣнїе. Газеты находятъ ее недурной“.

— „Очень рада“, отвѣтила та.

Человѣкъ допилъ свой кофе и всталъ.

— „Ну, я їду... Прощай...“

— „Ты въ парламентъ...“

— „Да. Сегодня я выступаю съ запросомъ, почему нарушена старая такса въ общественныхъ баняхъ и столовыхъ“.

— „Желаю полного успѣха“.

Человѣкъ вышелъ.

Въ парламентъ шло бурное засѣданіе. Судьба министерства зависѣла отъ рѣшенія запроса о баняхъ и столовыхъ. Публичныя силы выступали съ обѣихъ сторонъ: обвиняемой и обвиняющей. Ти-

шина наступила, когда началъ свою рѣчь человѣкъ, горячо и долго говорилъ онъ объ ошибкахъ министерства, объ нарушенныхъ правахъ общества и громъ аплодисментовъ не разъ прерывалъ его рѣчь.

Министерство пало, а вечеромъ чествовали человѣка его друзья и поклонники.

Снова былъ день и человѣкъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Потный и запыленный онъ рылся въ запыленныхъ листахъ старыхъ фоліантовъ и дѣлалъ длинные выписки.

Долго онъ рылся и наконецъ, сказалъ: — „Да, я сдѣлалъ новое открытіе и справедливо могу гордиться имъ. Моя гипотеза о томъ, что Неронъ имѣлъ черные волосы, а не рыжіе—подтверждается вполнѣ“. И человѣкъ пошелъ съ радостной вѣстью къ женѣ.

Прошло нѣсколько дней и „историческое общество“ объявило, что имъ „устраняется чествованіе своего почетнаго члена—человѣка, оказавшаго великія услуги дѣлу развитія исторіи“.

Черезъ нѣсколько дней человѣкъ снова сидѣлъ въ кабинетѣ и читалъ

Ихъ находили новыми, талантливыми и удивлялись его многообразной дѣятельности.

Человѣкъ, довольный, задумался. Счастье улыбалось ему всюду: въ наукѣ, въ искусствѣ и въ общественной работѣ. Многія дѣвушки и стройныя дамы не разъ кидали ему многообещающіе взгляды.

Онъ тихо мечталъ и счастливая улыбка играла на его губахъ.

Картина исчезла.

Опять старецъ и юноша стояли на вершинѣ утеса и опять старецъ спрашивалъ юношу:

— „Юноша... принимаешь ли ты этотъ Ликъ жизни“.

— „Нѣтъ... не хочу“... отвѣтилъ юноша.

— „Ты видѣлъ всѣ грани жизни, что же берешь ты“...

— „Я хочу три первыя грани, но четвертой мнѣ не нужно...“

— „Ты слишкомъ многого хочешь, юноша. Человѣкъ не Богъ и не можетъ объять безконечность. Великая Мойра предоставила тебѣ только одну изъ этихъ граней. Если же хочешь ты все вибрирай послѣдній Ликъ, имя котораго „Все—Ничего“...“

— „Я хочу „Все“, но не хочу „Все—Ничего“...“

— „Это невозможно“.

— „Я расскажу тебѣ сказку, старикъ, сказалъ юноша. Однажды маленькій я качался въ люлькѣ, а добрая фея пѣла мнѣ пѣсню. Пѣсню забылъ и не помню

пѣвъ ее помню:

«Не купайся въ грязной лужѣ,
И не пей неполный кубокъ...
Если пить, такъ пей ты полный,
Полный чистаго вина...
Если плавать ты захочешь,
То бросайся смѣло въ волны
Въ море синее безъ дна!..
А то будетъ только хуже,
Въ грязной лужѣ,
Только хуже!..
Въ жизнь играя, ставь ты ставку
Иль на Все, иль на Ничто...
Если Все ты взять не можешь...
Такъ бери себѣ Ничто!..“

— Такъ гласилъ этотъ припѣвъ. Пѣсню забылъ я, но запомнилъ припѣвъ и вотъ хочу я Все!..

— „Этого Рокъ не хочетъ“, отвѣтилъ старикъ.

— „Тогда хочу я „Ничто“, отвѣтилъ юноша. Пусть моя воля будетъ равна волѣ Рока!“, тихо вымолвилъ онъ и бросился въ море...

— „Еще погибъ одинъ великій безумецъ, тихо промолвилъ старикъ, и много еще ихъ погибнетъ!.. И никто не знаетъ, обнимутъ ли они когда нибудь всѣ Лики жизни, добавилъ онъ и медленно началъ спускаться съ утеса...

Безконечное море лежало, молчаливое, безстрастное и ждущее. Не пѣлись гребни бушующихъ волнъ, не ревѣла могучая буря и не слышались зовы прекраснаго юноши.

Солнце скрылось за зеркаломъ моря и ночь обнимала землю. Было тихо.

Начиналось царство молчанія...

Патрициусъ Саткина